

Ю. А. Сафронова

Царь-Мученик vs Царь-Освободитель. Почему не канонизировали Александра II?

Сафронова Юлия Александровна, канд. ист. наук, доцент, декан факультета истории ЕУСПб (Санкт-Петербург) / Safronova Julia Alexandrovna, Ph.D. in History, Associate Professor, Dean, Faculty of History, European University at St. Petersburg (St. Petersburg) • jsafronova@eu.spb.ru

Сафронова Ю. А. Царь-Мученик vs Царь-Освободитель. Почему не канонизировали Александра II? // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 37. С. 139–160. DOI: 10.25803/SFI.2021.37.1.008

Статья посвящена формированию и функционированию образа Александра II в качестве царя-мученика в последней четверти XIX в. Интерпретация покушений на императора, а затем его убийства 1 марта 1881 г. в качестве добровольной жертвы за «грехи» русского народа и даже «сораспятия с Первомучеником Христом» была удачной находкой проповедников Православной российской церкви, позволявшей говорить о цареубийстве не как о глубочайшем политическом кризисе, но как об акте «спасения» России. В таком качестве образ царя-мученика активно использовался как в официальном дискурсе власти, так и в публицистике, не только консервативной, но и либеральной. Вместе с тем настойчивое и постоянное использование этого образа имело неожиданный эффект в виде слишком буквального его прочтения, т. е. прямых требований канонизации Александра II, создания икон с его изображением и проведением крестных ходов с портретами императора.

Во второй части статьи высказывается ряд гипотез о том, почему канонизация убитого императора, которая, казалось бы, логично вытекала из дискурсивной стратегии объяснения цареубийства и находила поддержку среди верующих, оказалась не нужна политической элите Российской империи. В историческую память России Александр II вошел как царь-освободитель, а не как царь-мученик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Александр II, народовольческий террор, канонизация, мученик, репрезентация.

2 марта 1881 г. Санкт-Петербургский городской голова барон П. Л. Корф закончил речь, посвященную произошедшему накануне цареубийству, следующими словами: «К имени Царя-Освободителя прибавилось имя Царя-Мученика, и я думаю, что отныне название „Царь-Освободитель“ навсегда будет соединено с именем „Царя-Мученика“» [Выписка, 1]. Тогда же Дума обратилась к министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову, прося его засвидетельствовать перед Александром III «ужас и негодование, овладевшие всем населением столицы, при известии о *мучительной* (здесь и далее курсив мой. — Ю. С.) кончине Его Родителя» [Выписка, 2–2 об.]. Так, в одном собрании были произнесены два слова *мучительный* и *мученик*, тонкое различие которых заключается в том, что смерть мученика следует называть *мученической*. Равенство двух возможных определений гибели Александра II уже в первую неделю марта сменилось безоговорочным торжеством последнего эпитета. Два месяца спустя в Манифесте о незыблемости самодержавия 29 апреля 1881 г., возвестившего начало нового внутривластного курса, смерть Александра II была уже привычно названа «мученической кончиной» [Манифест]. Велико искушение объяснить этот выбор близостью двух понятий *мучительный* и *мученический*. Насколько осознанно одно заменялось другим?

Понятие *мучительный*, безусловно, является первым, которое возможно было использовать для описания смерти Александра II. Медицинский отчет о последних минутах императора, а также результаты вскрытия были опубликованы с удивляющей современного человека обстоятельностью. Читатели узнавали из газет, как доктора совещались об ампутации, накладывали каучуковые бинты и жгуты и пр. Журналисты соревновались в сообщении жутких подробностей: «Одна нога была не только оторвана, но перевернута так, что пятка очутилась на месте пальцев» [Нам пишут], «ноги были изломаны, одежда местами изодрана; кровь текла из ног и кровавые пятна были на снегу» [Рассказ]. О впечатлении, которое производили эти сообщения, можно судить по воспоминаниям А. Н. Бенуа, которому в 1881 г. было 11 лет:

Мне лично делалось невыносимо больно, когда я себе представлял, какие муки должен был испытать государь, пока он не впал в беспамятство, и как-то особенно кошмарным представлялось то, что врачи «насильно пытались ему вернуть кровообращение!» [Бенуа, 383].

Кровавые подробности газетных статей отчасти соответствовали потребностям читателей. Люди, приходившие проститься с убитым, отмечали в дневниках: «Приложился к руке и лбу Царя-мученика — руки и лицо исцарапаны (вероятно от мелких осколков бомбы), цвет кожи темный» [*Фан-дер-Флит*, 53 об.–54], «нижняя часть туловища страшно обезображена: кости обнажены и раздроблены, мясо висит кусками» [*Перети*, 23]. Ажиотаж вызывали у публики изображения в Бозе почившего Государя Императора на смертном одре. 2 марта придворный фотограф В. С. Левицкий сделал снимок усопшего, а художник К. Е. Маковский написал посмертный портрет. В рекламных объявлениях о продаже копий с этих изображений упор делался на отчетливо различимых «следах адского снаряда» [*Портрет*]. Журналисты писали, что в художественных магазинах плакали многие дамы, глядя на портреты покойного «со следами мученических ран» [*Московские заметки*]. Однако подробности мучительной смерти Александра II не могли служить достаточным основанием для того, чтобы объявить ее мученической.

Трудно ответить на вопрос, кто первым после того, как на флагштоке Зимнего дворца опустили государственный флаг, назвал убитого Александра II мучеником. Несомненно, одной из первых была речь, произнесенная 2 марта перед панихидой в Исаакиевском соборе прот. Иоанном (Янышевым), при которой присутствовала императорская фамилия и весь двор. Он говорил, что «кончина Государя есть вместе с тем кончина мученика на русской земле... Государь наш не скончался только — Он убит!» [*В Исаакиевском*]. Можно утверждать, что эта фраза в полной мере является риторическим приемом. Едва ли о. Иоанн намеревался положить начало канонизации убитого императора. В противном случае ему пришлось бы с большей ответственностью подходить к выбору ликов святости. Религиозное понятие «мученик» относится к человеку, принявшему смерть за веру. Среди ликов святости, связанных с насильственной кончиной, есть великомученики — мученики за веру, перенесшие особо тяжкие и продолжительные мучения, и страсотерпцы — люди, принявшие мученическую кончину не за веру. В последнем случае почитается особый характер их подвига — беззлобие и непротivление врагам. Страсотерпцами были первые русские святые князья Борис и Глеб.

Вообще в подробностях смерти Александра II, точнее в той полуполюгендарной версии, которая в итоге стала господствовать, в том числе среди младшего поколения Романовых [*Александр Михайло-*

вич, 51; Кирилл Владимирович, 36], можно было найти обоснование того, что император принял смерть как страстотерпец. Объяснить, почему после первого взрыва император сразу же не покинул место покушения, тем самым позволив И. Й. Гриневицкому бросить второй метательный снаряд, можно было либо некомпетентностью охраны и контузией Александра, не сознававшего опасности, либо его осознанным решением быть с теми, кто нуждался в этот момент в его утешении — ранеными казаками конвоя и случайными прохожими. Наиболее драматично эта версия представлена в стихотворении А. А. Навроцкого «Памяти Царя-Освободителя», впервые опубликованном 15 марта и затем не раз переиздававшимся.

Ты мог бы спастись и теперь, но заметив,
 Что верные слуги твои
 И мальчик-прохожий, от адского взрыва,
 Метались и бились в крови,
 Ты смело пошел к ним, не ведая страха,
 Желая их муки смягчить,
 Желая приветом и словом участия
 Страдания их облегчить.
 <...>
 Твой жребий ужасен; но свят и завиден
 Твой, мученик, в небе удел;
 Должно быть Господь твоей страшною смертью
 Свой гнев нам явить захотел [*Навроцкий*].

Самоотречение христианина перед лицом смертельной опасности, однако, не было основой образа царя-мученика. Для того чтобы понять его истоки, необходимо вернуться к первым покушениям на императора и их трактовке в официальной пропаганде. Сразу после неудачных взрывов 19 ноября 1879 г. и 5 февраля 1880 г. проповедники Православной российской церкви поспешили рассказать пастве, какие страдания причиняют императору покушения. Речь шла именно о душевных страданиях: «Как же больно, должно быть, это для самого нашего доброго и милостивого Царя-Батюшки! Как только выносит его мягкое сердце такие зверства?» [*Речь, 451*].

25 ноября 1879 г. в домово́й церкви Казанского университета Александр II был назван «Мужем скорбей» — устойчивое выражение из ветхозаветного пророчества книги Исаяи, ставшее одним из обозначений Христа:

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши... *¹

*¹ Ис 53:1–3

В образе «Мужа скорбей» уже намечались два мотива позднейшего толкования цареубийства: сопоставление с искупительной жертвой Христа и идея вины народа, чьи грехи искупаются такой ценой, народа, «презирающего» Искупителя. Поэтому так легко казанский проповедник вернулся к этому образу в проповеди 9 марта 1881 г.:

Но кончина ли только нашего Государя была мученической? Нет! Во все царствие свое Он был страдальцем. Это был мученик на троне. Он в своей жизни и смерти уподобился тому *Мужу скорбей*, о Котором говорят нам писания Ветхого завета, и о Котором новозаветное предание гласит, что часто видели Его плачущим, но никогда смеющимся [*Зефиров*, 5].

19 февраля 1880 г. во время торжественной службы в честь двадцатипятилетия царствования Александра II в Успенском соборе в Кремле преосвященный Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский, говорил пастве о покушениях как о принятии императором «подвига и венца Царя-крестоносца». В этом случае имелась в виду «бескровная жертва»: «Без пролития драгоценной народу крови, без сокрушения духа народного, без омрачения чести народной, без смуты жизни народной» [*Слово*, 374]. Можно утверждать, что основа образа царя-мученика была сформирована до совершившегося цареубийства.

Следует иметь в виду, что официальных альтернатив религиозному толкованию значения покушений для самого императора не существовало. Власть, сосредоточив усилия на установлении контроля над подцензурной прессой и борьбе с подпольной литературой, оставляла выработку официальной интерпретации террористических актов церкви. «Правительственный вестник», кроме кратких информационных сообщений, публиковал после каждого покушения наиболее удачные проповеди, подтверждая тем самым, что правительство придерживается объяснения происходящего как неисповедимой воли Провидения. Подцензурная пресса, стремясь избежать вполне вероятных затруднений и санкций со стороны правительства, вплоть до 1 марта обходила фигуру императора как «мишени» террористов молчанием.

После 1 марта 1881 г. на формирование образа царя-мученика повлияло также совпадение царевубийства и последовавшего за ним погребения с Великим постом и сложно организованными ритуалами внутри него, призванными напомнить православному миру о крестных муках Спасителя. Со второй недели Великого поста (т. е. в 1881 г. с 8 марта) каждое воскресенье за вечерним богослужением читались те места из Евангелий, которые повествовали о страстях Иисуса Христа. Эти хронологические совпадения позволили вписать 1 марта 1881 г. в священную историю. В 1881 г. проповедники говорили с прихожанами не только и не столько о муках Сына Божьего, взошедшего на крест за людские грехи. На глазах верующих разворачивались события, которые, как утверждали пастыри, имели «не только близкое сходство, но даже прямую связь» [*Поучение, 784*] с евангельским рассказом. Все это привело к тому, что единственным образцом мученичества, с которым можно было сопоставлять смерть императора, стал Подвигоположник Иисус Христос. «Мысль наша так и стремиться отыскать сходство между тем, что некогда свершилось на Голгофе и что теперь постигло Россию», — говорил прихожанам в Перми свящ. Евгений Попов [*Попов, 144*].

Поскольку распятию неизбежно предшествует «крестный путь», объединяя две смерти «на кресте», проповедники не могли не обратиться к прижизненным «мукам» Александра II: «Мученическая смерть есть лишь терновый венец, полученный за царственно-мученическую жизнь!» [*Гусев, 769*]. Мало кто из проповедников связывал прижизненные муки императора с деятельностью революционного подполья. Вину за мучения государя проповедники возлагали на неблагодарный и грешный народ: «Мы отравили жизнь гуманнейшего из Монархов, и, наконец, руками нечестивцев, вышедших из среды нашей, предали Его мучительной смерти» [*Зефиоров, 5–6*]. Слова, звучавшие с церковных кафедр, совпадали со статьями журналистов:

С тяжелой болью возникает в душе представление о том, что приходилось Ему (Александру II. — Ю. С.) переживать... Сколько неизбежных тревог под оболочкою внешнего спокойствия, — сколько минут сознания горечи жизни и тяжести своего венца, — сколько подавленного страдания пронеслось в этой жизни, прерванной с таким ужасающим трагизмом! [*Политическое обозрение*].

Для того чтобы обрисовать несоответствие между благодеяниями императора и его смертью, проповедники часто использовали один из антифонов Великой Пятницы:

Людие Мои, что сотворих вам? Или чем вам стужих? Слепцы ваша просветих, прокаженные очистих, мужа суца на одре восставих. Людие Мои, что сотворих вам? И что Ми воздасте? [*Службы, 196*].

Как Христос напоминал иудеям добро, сотворенное им, так и государь мог сказать, обращаясь к своему народу из могилы:

Я призвал из крепостной тяжкой зависимости к свободе 20 миллионов ваших братьев. Не это ли кровная моя вина перед вами? Я призвал вас всех к образованию, положил начала вашего самоуправления, Я сохранил славу вашу перед другими народами, Я возвысил ваше благоденствие, Я призрел многих ваших сирот, Я простирал вашу любовь к братьям вашим по крови и языку, — не в этом ли мои вины перед вами? [*Соколов, 9*].

Разумеется, главными деяниями Александра II в изложении священников были «великие реформы». В «Сказании в память в Бозе почившего Государя Императора Александра II», опубликованном в издании «Кафедра Исаакиевского собора», шесть ангелов, сопровождающих душу монарха, рассказывают о его заслугах перед престолом Бога. Среди этих заслуг названы отмена крепостного права, судебная реформа и отмена рекрутской повинности. Следует отметить, что все реформы Александра II наполнялись в этом сочинении религиозным смыслом: «Суд правый, скорый и милостивый» был дарован подданным, чтобы они не страдали от неправды, а рекрутская повинность отменена, потому что по всей земле «шел стон в те дни, когда собирались воины и тысячи людей отлучались навсегда от своих семей» [*Сказание, 15*]. Таким образом, они описывались не как политические решения, направленные на модернизацию империи, а как действия христианина, «возлюбившего своих чад» и решившего облегчить их страдания. Перечисляя благодеяния императора, прот. Виктор Бондаков спрашивал у паствы: чем ответила на них Россия? На освобождение крестьян — «пьянством, буйством и своеволием», на просвещение — «перетолковыванием законов божеских и человеческих», на дарование свободы мысли и слова — «порицанием и обидами ближних» [*Бондаков, 184*].

Не менее важным при создании образа Александра II, чем упоминание великих реформ, было обращение к событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Освобождение от туретчины братьев наших славян» [*Богородский, 173*] представлялось в почтениях как подвиг во имя веры. Оно было важной частью кон-

струирования образа «праведника» и «истинного христианина». Очевидно, что проповедники и тут обращались к уже сложившейся во время и после войны риторике. Р. Уортман пишет, что во время русско-турецкой войны Александр II выступал «не военным, а нравственным лидером, обеспечивающим войскам психологическую поддержку, которая принимала две формы: воодушевление — поддержание морали, и утешение — сострадание к мукам» [Уортман, 198]. Актуализируя этот образ, проповедники подчеркивали праведность государя. Архиепископ Холмско-Варшавский Леонтий (Лебединский) видел «высокий христианский подвиг» в том, что

Царь могущественный, по собственному влечению сердца, обходит госпитали, беседует с ранеными, пренебрегает опасностью собственной жизни, Сам лишает себя покоя, чтобы успокоить страждущих, умирающих [Лебединский, 133].

Внимания заслуживало и «милосердие» к «крамольникам», полностью соответствующее Нагорной проповеди: «благовторите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»^{*1}. Император описывался как «Благодетель России», который «едва в состоянии был подписывать смертные приговоры преступнейшим из преступных и который столь много раз возвращал жизнь злодеям, покушавшимся на Его Священную жизнь» [Гусев, 765].

Признание убитого Александра II мучеником в религиозном смысле этого слова вело к двум немаловажным последствиям: определению награды, которой его после смерти удостоит Бог, и почитанию его на земле. Первый вопрос решался в соответствии с Писанием. В каком-то смысле мученическая кончина сама по себе была даром государю за праведную жизнь: она давала возможность смыть человеческие грехи и «улететь в небе чистым тихим светом кроткого Ангела Божия» [Поучение, 787]. Еще доступнее эта мысль выражалась в брошюре для «народа»: «Бог, любя Его, послал Ему и небесный чин, соответственный с Его земным чином» [Венок, 31], подразумевая, что царь-освободитель и в раю не затеряется в сонме праведных душ, но займет подобающее ему высокое место в той небесной иерархии, которая только доступна человеку.

Второй вопрос был гораздо сложнее. Он выходил за границы проповеди, произносимой здесь и сейчас, затрагивая не только канонические установления, но и политические вопросы. Наставляя паству проповедники говорили: нужно молиться, чтобы Господь сопричислил убитого государя к сонму святых мучеников

*1 Мф 5:44

[*Внутренние новости*]. Но от этого наставления был только один шаг до того, чтобы объявить, что Александр II уже причислен к лику святых мучеников. Этот шаг означал лишь одно: вместо того, чтобы молиться за него, необходимо молиться ему.

Этот шаг делался и делался неоднократно, о чем свидетельствуют разнообразные источники. Анонимный автор брошюры «Венок на гроб Государя-Освободителя» закончил свой труд словами: «Молишься этак за душу Его — а потом и прибавишь: „мучениче Александре! Моли Бога за нас!“» [*Венок*, 31]. Анонимный корреспондент Московского генерал-губернатора не просил, а требовал объявить всем, что император «причислен к святым мученикам и многострадальцам» [*Анонимное письмо*, 72 об.]. Известны случаи крестных ходов с портретами Александра II [*Уортман*, 277]. Наиболее интересным свидетельством религиозного почитания императора является икона из фондов Егорьевского историко-художественного музея «Пастырь добрый», датируемая 80-ми годами XIX в. Неизвестный автор, очевидно не получивший профессионального художественного образования, поместил на ней в зеркальном отображении широко тиражируемое изображение «Александр II на смертном одре», переосмыслив некоторые детали, так что красная подушка под головой усопшего приобрела очертания нимба. Изображение Александра помещено между двумя ветхозаветными сценами, служащими комментариями к его царствованию: справа — «Помазание Саула пророком Самуилом», слева — «Моисей перед неопалимой купиной». Эти сюжеты относятся к земному царствованию царя-освободителя как помазанника Божьего, ведшего свой народ в землю обетованную. В верхних углах иконы находятся евангельские сюжеты несения креста и моления о чаше¹. Таким образом, эта икона фактически является фиксацией изобразительными средствами тех интерпретаций жизни и смерти Александра II, которые были сформулированы проповедниками.

Здесь следует перейти к главному вопросу этой статьи: почему при таком развитом и широко распространенном в разных сферах образе царя-мученика, при формировавшемся народном культе, при очевидной важности религиозного объяснения царевубийства для самодержавной власти Александр II не был канонизирован?

1. Электронный ресурс. URL.: www.egmuseum.ru/expo/ikona-pastyr-dobryy-1880-e-gg-karton-maslo (Дата обращения 20.08.2020).

Первый возможный ответ на этот вопрос лежит в сфере церковного права. Хотя в православной церкви этот процесс не был регламентирован так жестко, как в католической, тем не менее для признания человека святым необходимо выполнение ряда условий: 1) православие безукоризненное; 2) совершение всех добродетелей; 3) проявление сверхъестественных знамений и чудес; в том числе «нетление мощей или благоухание костей» [Цыпин, 240]. На рубеже XIX–XX вв., когда вопрос о канонизации русских святых стал актуальным, Е. Е. Голубинский в книге «История канонизации святых в Русской церкви» писал, что церковь признавала святость «на основании сверхъестественного свидетельства о них Самого Бога» [Голубинский, 24]. Таким образом, с его точки зрения, для причисления к лику святых необходимо чудотворение при жизни или после смерти. Совершенно иначе подходил к вопросу Е. Н. Темниковский. Он полагал, что вера в чудеса подвижников никогда не была главным основанием для почитания святого [Темниковский, 253].

С каноническими установлениями тесно было связано само юридическое положение Православной российской церкви в синодальный период. С 1721 по 1894 г. было канонизировано только пять святых, два в XVIII в. и три в XIX в. Четверо из них были канонизированы в лике святителя, Феодосий Тотемский — в лике преподобного, т. е. речь шла исключительно о подвижниках церкви. Процесс канонизации во всех случаях длился более пятидесяти лет с момента смерти. Как правило, почитание усопшего на месте начиналось сразу, но Синод предпочитал выжидать, время от времени отправляя комиссии для освидетельствования мощей (мощи свт. Иннокентия Иркутского освидетельствовали дважды, чтобы удостовериться «не примечено ли в нем (нетленном теле. — Ю. С.) каких-либо изменений»), чудес и «народного мнения». При этом дело по возможности велось «скромно и осторожно», «с сохранением тайны» [Голубинский, 126]. Наиболее близкая к рассматриваемым событиям канонизация состоялась 20 июня 1861 г., когда к лику святых был причислен свт. Тихон Задонский, епископ Воронежский. Умер свт. Тихон в 1783 г., с 1790-х гг. в Синод поступали прошения о его канонизации, мощи были обретенны в 1846 г., но комиссия Синода отправилась в Воронеж только после запроса архиеп. Иосифа, свидетельствовавшего в 1860 г. чудесные исцеления [Голубинский, 135]. Таким образом, с одной стороны, сама традиция канонизации вплоть до царствования Николая II фактически оставалась в забвении. С другой стороны,

Синод предпочитал действовать как можно медленнее: основной причиной для отправления комиссий было «многолюдное стечение» почитателей к гробу праведника.

В Православной российской церкви существовала развитая традиция почитания русских князей из династии Рюриковичей. Большинство из них были прославлены в чине благоверных, т. е. правителей, которые употребляли полученное от Бога величие и богатство для дел милосердия, просвещения, сохранения народных святынь. Как благоверный был прославлен Александр Невский: после цареубийства 1 марта 1881 г. повсеместно приобретались иконы с изображением именно этого святого, которого возможно было сопоставить с убитым императором и благодаря имени, и благодаря «земному чину» князя. Примером князя-мученика, кроме страсто-терпцев Бориса и Глеба, был только убитый монголо-татарами в 1238 г. во время битвы на р. Сити Василько Константинович Ростовский. Убитые в орде Михаил Черниговский и Михаил Тверской были прославлены как благоверные. После смены династии правителей-святых в истории России вплоть до XX в. не было. Более того, последние по времени смерти русские святые, прославленные в чине мучеников, погибли в XIII в. — мч. Меркурий Смоленский, прмц. Евпраксия Псковская, мч. Василько Ростовский. Такое длительное отсутствие прецедента могло оказать серьезное влияние на решение вопроса о канонизации любого усопшего в чине мученика.

Если оставить в стороне процедурные сложности, остается вопрос, соответствовал ли Александр II в глазах тех, кому предстояло молиться ему, необходимым условиям канонизации? Очевидно, о нетленности мощей говорить было преждевременно, хотя вести о чудесных знамениях в час гибели царя распространялись широко: над Зимним дворцом загорались звезды, образуя крест, облачный рыцарь поднимал свой меч и комета с двумя хвостами пронеслась над Невским проспектом, а в день перенесения тела к Петропавловской крепости с неба спускались две туманные ленты. Также ходили упорные слухи, что покойный император «является» в Казанском соборе «в полном облачении... в порфире, в короне» [Боровикова, 80].

Проблема заключалась в том, что кроме официального образа царя-мученика, существовали и успешно конкурировали с ним другие образы Александра II [Сафронова 2014]. Большинство из них входило в противоречие с предъявляемым святому требованием «совершения всех добродетелей». Одновременно столь, казалось бы, успешный, если считать в качестве крите-

рия успеха частоту употребления в официальных документах и печати, образ царя-мученика редко использовался в личных документах представителей общества. Если обратиться к дневникам и мемуарам, мы обнаружим в них очень мало упоминаний об императоре-мученике в том религиозном смысле, который вкладывали в этот образ проповедники [Паренсов, 23]. Напротив, авторы записок, обращавшиеся во власть с различными проектами искоренения «крамолы», достаточно часто проговаривались. Выражения «мученик за идею государства и общественного порядка, благоустройства» [Записка, 103 об.] или «мучеником всей этой государственной безурядицы пал лучший из русских государей» [Еврешинов, 18] свидетельствуют о непонимании самой идеи религиозного мученичества или об искажении этой идеи в секуляризованном сознании. Русское образованное общество было готово воспользоваться предложенным церковью толкованием, чтобы безопасно обсуждать произошедшее цареубийство, но молиться царю-страстотерпцу по-настоящему оно не могло. Хотя правительство Александра III в гораздо меньшей степени ориентировалось на «общественное мнение», чем то было при его предшественнике, едва ли канонизация убитого царя в расчете на привлечение симпатий представителей общества была осмысленной.

Само создание образа царя-мученика в статьях журналистов и даже в некоторых проповедях приписывалось «народу», «простому русскому мужичку, знающему цену страданиям» [Гусев, 770]. Этот факт можно расценивать двояко. С одной стороны, «простой народ» часто противопоставлялся «развращенному» русскому обществу: мнение «народа» могло выступать ценностным ориентиром. В то же время нельзя не отметить то напряженное внимание, с каким власть и общество следили за реакцией «народа» на цареубийство. В этом внимании отчетливо читается страх перед возможным бунтом. Он виден в тех заметках, которые сообщают о случаях народной расправы с подозрительными лицами на площади перед Зимним дворцом, на месте цареубийства или в других городах России [Дневник]. Наконец, в приписывании «народу» тех или иных мыслей и чувств всегда есть оттенок превосходства.

Среди политических расчетов и наблюдения за общественным мнением не следует забывать и о личностном факторе. При отсутствии церковных соборов и патриарха решение о канонизации должен был принимать Святейший синод, а утверждать император. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев вовсе не видел в Алек-

сандрю II образца святости. За два месяца до царевубийства он писал своей постоянной корреспондентке Е. Ф. Тютчевой об императоре:

Прости, Боже, этому человеку (Александрю II. — Ю. С.) — он не ведает, что творит, и теперь еще менее ведает. Теперь ничего не отличишь в нем, кроме Сарданапала. <...> Даже все здоровые инстинкты самосохранения иссякли в нем: остались инстинкты тупого властолюбия и чувственности [Вострышев, 67].

Его отношение к образу царя-мученика можно выявить благодаря переписанному им для Е. Ф. Тютчевой анонимному письму, полученному Александром III. Неизвестный автор, в котором К. П. Победоносцев предположил духовное лицо, перечисляя восхваления Александра II («шлются на выставку людской молвы песни, гимны, строятся часовни, церкви, человеколюбивые заведения»), порицал их, поскольку император «пострадал не за Церковь, не за крест, не за христианскую веру, не за правое дело» [Первые недели, 102]. Судя по тому, что обер-прокурор взял на себя труд сделать обширные выписки из «так энергично написанного» письма, он разделял мнение анонимного автора.

Император Александр III, известный как заботливый семьянин, наверное, был последним человеком, который смог бы принять идею святости своего отца. Хотя в дневнике почтительный сын ни разу не позволил себе резких замечаний, известно, что после смерти императрицы Марии Александровны семейная жизнь наследника была далеко не мирной. С одной стороны, отец требовал признания и выстраивания отношений со второй семьей, процесс официального признания которой, начавшийся после заключения брака 6 июля 1880 г., так и не был завершен. С другой стороны, цесаревна Мария Федоровна устраивала постоянные сцены и, пытаясь не допустить общения своих детей с «бастардами», провоцировала скандалы с самим императором². Фрейлина А. А. Толстая записала состоявшийся в Гатчине разговор «о канонизации человека, которого все почитали святым. Александр III, до того сидевший молча, внезапно высказал присутствующим свое мнение: „Если бы зашла речь о канонизации моей матери, я был бы счастлив, потому что я знаю, что она была святая“» [Толстая, 43]. К сожалению, нам неизвестно, о каком именно святом человеке говорили гатчинские гости, хотя велико искушение

2. Подробно см.: [Сафронова 2017, 220–239].

представить себе, что речь шла об Александре II. Тем не менее, высказывание императора показательно: сложившийся в семье культ набожной и всепрощающей императрицы Марии Александровны вернее, чем любые другие аргументы препятствовал канонизации ее супруга. Почитая «святость» матери, едва ли новый император был способен закрыть глаза на грехи отца.

Кроме канонического права и личностных факторов, немало важную роль играли в этот момент политические мотивы. В том же письме неизвестного духовного лица К. П. Победоносцеву обличалась не только идея святости Александра II, но и цель тех, кто поддерживает этот культ. Он предлагал сравнить великие дела и «не неожиданную, не случайную смерть» от рук «распущенного народа» и утверждал, что вся шумиха вокруг царя-мученика поднята с одной целью: «Злые, подлые люди хотят, чтобы и твое правление было слабо» [*Первые недели*, 102].

«Присвоение» убитого императора либеральной оппозицией началось с первых дней марта. В статье с характерным названием «Царский завет», появившейся 4 марта в либеральной газете «Голос», было высказано требование, чтобы дальнейшая политика определялась тем, «что хотел совершить в Бозе почивший Государь» [*Царский завет*]. Нереализованная «конституция Лорис-Меликова», якобы подписанная Александром II перед выездом на военный смотр 1 марта, в содержании и характере которой никто не давал себе труда разобраться, долго будоражила умы. Отложив решение о реализации этого проекта после заседания 8 марта и окончательно отказавшись от него после манифеста 29 апреля, Александр III последовательно проводил политику разрыва с предыдущим царствованием [*Уортман*, 277]. Мученическая смерть Александра II могла служить для обоснования «незыблемости самодержавия», однако едва ли новая власть готова была видеть в осуществлении великих реформ подвиг истинного христианина и «крестный путь» Спасителя. В течение царствования Александра III последовательно были проигнорированы юбилеи великих реформ, а празднование в 1886 г. освобождения крестьян — прямо запрещено. В. Г. Короленко писал, что «сама память „Освободителя“ становилась как бы неблагонадежной» в это время. В результате вокруг фигуры Александра II сложился оппозиционный миф, трактовавший освобождение крестьян как центральное событие российской истории [*Родигина*, 253].

Оппозиционные мифы, сосредотачиваясь вокруг события 1861 г., игнорировали дальнейшую противоречивую внутреннюю

политику и взрыв на Екатерининском канале. В конце концов, нельзя было сказать, что император был убит за то, что освободил крестьян. Если бы официальный курс правительства не был направлен на последовательное забвение александровского царствования, весьма вероятно, что память об убитом культивировалась бы именно как память о Царе-Мученике. Оппозиционный миф, формировавшийся вокруг фигуры Царя-Освободителя, не нуждался в оформлении религиозными мотивами. Петербургский городской голова ошибся: имя царя-мученика с именем царя-освободителя так и не соединилось.

История образа Александра II как императора-мученика интересна во многих отношениях. После интерпретации всех покушений на жизнь монарха как неисповедимой воли Провидения, поучающего «нечестивый народ», но спасающего Помазанника Божия, идея цареубийства как мученичества лежала на поверхности. Недаром это слово было произнесено так быстро. Религиозное истолкование 1 марта превращало убийство главы государства из события, подрывающего престиж власти, в прославление ее носителя «небесным чином». Канонизация в лике святого требовала, кроме всего прочего, наличия написанного жития. Созданные после цареубийства биографии Александра II, в особенности описания Великих реформ, как нельзя более соответствовали канонам агиографического жанра. «Народное мнение», за которым в течение XIX в. внимательно следил Синод, решая вопрос о канонизации, было подготовлено многочисленными проповедями. При всех этих условиях, отчасти созданных самими проповедниками и поддержанных властью, легальной печатью, частью подданных, вопрос о канонизации не был возбужден. 29 мая 1881 г. Санкт-Петербургский комитет духовной цензуры не разрешил к печати рукопись «Александр Николаевич император-мученик есть бесспорно Христа Спасителя первообраз», находя, что сопоставление убитого монарха со Спасителем «в некоторых случаях даже неуместно и неприлично» [Журнал, 39 об.].

Очевидно, в рациональном XIX в. не было места святому императору. Образ царя-мученика постепенно лишился религиозного наполнения, вложенного в него проповедниками. Чем больше времени проходило с момента цареубийства, тем в большей мере он относился не к жизни Александра II как к «крестному пути», пройденному во имя русского народа, а только к страшным обстоятельствам смерти, о которых лишней раз предпочитали не вспоминать. Это не была даже политика «скромного и осторожного» выжидания,

которой придерживался Синод в тех случаях, когда верующие начинали по своей инициативе почитать того или иного усопшего как святого. Ни императорской фамилии, ни церкви, ни обществу не нужен был Александр II император-мученик, внесенный в святцы.

Источники

1. *Александр Михайлович* = Великий князь Александр Михайлович : Книга воспоминаний. Москва : Современник, 1991. 271 с.
2. *Анонимное письмо* = Анонимное письмо В. А. Долгорукому // Центральный исторический архив Москвы. Ф. 16. Оп. 71. Д. 32.
3. *Бенуа* = Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Т. 1. Москва : Наука, 1980. 749 с.
4. *Богородский* = Богородский Ф. Речь по случаю мученической кончины Государя Александра Николаевича // Руководство для сельских пастырей. 1881. Приложение к № 13. С. 173–175.
5. *Бондаков* = Бондаков В. Поучение по случаю мученической кончины в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича, 1 марта 1881 г. // Екатеринославские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1881. № 12. С. 183–185.
6. *Боровикова* = Боровикова В. Н. Домашние записки // На чужой стороне. 1924. № 4. С. 50–87.
7. *В Исаакиевском* = В Исаакиевском соборе // Новое время. 1881. 3 марта. С. 1.
8. *Венок* = Венок на гроб Государя-Освободителя. Киев : Унив. тип., 1881. 32 с.
9. *Внутренние новости* = Внутренние новости // Голос. 1881. 5 марта. С. 2.
10. *Выписка* = Выписка из журнала Санкт-Петербургской городской думы, 2 марта 1881 // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 792. Оп. 1. Д. 3156.
11. *Гусев* = Гусев А. Злополучнейший день в истории России (1 марта 1881 г.) // Православное обозрение. 1881. Апрель. С. 762–776.
12. *Дневник* = Дневник // Порядок. 1881. 14 марта. С. 2–3.
13. *Евреинов* = Евреинов Г. А. Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. Санкт-Петербург : Общественная польза, 1905. 61 с.
14. *Журнал* = Журнал заседания Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры, 29 мая 1881 // Российский государственный исторический архив. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1664.
15. *Записка* = Записка о толках и суждениях населения г. Варшавы. 7 апреля 1881 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. 1881. 3 д-во. Оп. 77. Д. 1019.

16. *Зефир* = По поводу мученической кончины Государя Императора Александра Николаевича Протоиерея М. Зефирова // Православный собеседник. 1881. Апрель. С. 1–12.
17. *Кирилл Владимирович* = Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. Москва : Захаров, 2006. 368 с.
18. *Лебединский* = Речь перед панихидою по в Бозе почившем Государе Императоре Александре II от Варшавского общества красного креста, сказанная в замковой церкви 31 марта 1881 г. Высокопреосвященным Леонтием, архиепископом Холмско-Варшавским // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1881. № 9. С. 133.
19. *Манифест* = Высочайший манифест // Правительственный вестник. 1881. 30 апреля. С. 1.
20. *Московские заметки* = Московские заметки // Голос. 1881. 17 марта. С. 1.
21. *Навроцкий* = [Навроцкий А. А.] Памяти Царя-Освободителя // Новое время. 1881. 15 марта. С. 2.
22. *Нам пишут* = Нам пишут из Петербурга // Московские ведомости. 1881. 3 марта. С. 1.
23. *Паренсов* = Паренсов П. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба : В 5 ч. Ч. 4 : В Болгарии. Санкт-Петербург : В. Березовский, 1908. 451 с.
24. *Первые недели* = Первые недели царствования императора Александра III. Письма К. П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой // Русский архив. 1907. № 5. С. 178–189.
25. *Перетц* = Дневник Е. А. Перетца государственного секретаря (1880–1883). Москва ; Ленинград : Госиздат, 1927. 172 с.
26. *Политическое обозрение* = Политическое обозрение // Порядок. 1881. 15 марта. С. 1.
27. *Попов* = Попов Е. Слово в день погребения в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича 15 марта в церкви Воскресенской в Перми // Пермские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1881. № 12. С. 144–148.
28. *Портрет* = Портрет Александра II // Голос. 1881. 15 марта. С. 3.
29. *Поучение* = Поучение в неделю крестопоклонную, в назначенный день погребения в Бозе почившего Благочестивейшего Великого Государя Императора Александра II, сказанное преосвященным Никанором, епископом Уфимским // Православное обозрение. 1881. Апрель. С. 780–788.
30. *Рассказ* = Рассказ г. Новикова // Новое время. 1881. 3 марта. С. 1.
31. *Речь* = Речь перед благодарственным молебствием об избавлении Государя Императора от угрожавшей опасности, сказанная в воскресенье 25 ноября после литургии в домово́й церкви Императорского Казанского Университета // Православный собеседник. 1879. Декабрь. С. 451–458.

32. *Сказание* = Сказание в память в Бозе почившего Государя Императора Александра II // Кафедра Исаакиевского Собора. 1881. Вып. 32. С. 15–16.
33. *Слово* = Слово в день совершившегося 25-летия царствования Великого Государя Императора и Самодержца Всероссийского Александра Николаевича // Православное обозрение. 1880. Февраль. С. 373–374.
34. *Службы* = Службы Страстной седмицы Великого поста. Москва : Изд. Моск. патриархата, 1994. 357 с.
35. *Соколов* = Соколов М. Слово перед панихидою о Государе Императоре Александре Николаевиче // Кафедра Исаакиевского собора. 1881. Т. 32. С. 7–9.
36. *Темниковский* = Темниковский Е. Н. Канонизация святых // Православная богословская энциклопедия : В 12 т. Т. 8. Петроград : Тип. А. П. Лопухина, 1907. С. 253.
37. *Толстая* = Толстая А. А. Записки фрейлины : Печальный эпизод из моей жизни при дворе. Москва : Энциклопедия российских деревень, 1996. 242 с.
38. *Фан-дер-Флит* = Фан-дер-Флит Н. Ф. Дневник // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 806. Д. 58.
39. *Царский завет* = Царский завет // Голос. 1881. 4 марта. С. 1.

Литература

1. *Вострышев* = Вострышев М. Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. Москва : Олма-Пресс, 2001. 343 с.
2. *Голубинский* = Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. Сергиев посад : 2-я тип. Снегиревой, 1894. 267 с.
3. *Родигина* = Родигина Н., Коркина М. Юбилей реформ Александра II как феномен общественной жизни России второй половины XIX века // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. Санкт-Петербург : Из-во ЕУСПб, 2012. С. 240–261.
4. *Сафронова 2014* = Сафронова Ю. А. Русское общество в зеркале революционного террора, 1879–1881 гг. Москва : НЛО, 2014. 376 с.
5. *Сафронова 2017* = Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. Санкт-Петербург : Изд-во ЕУСПб, 2017. 404 с.
6. *Уортман* = Уортман Р. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : В 2 т. Т. 2. Москва : ОГИ, 2004. 796 с.
7. *Цыпин* = Цыпин В. А. Курс церковного права. Клин : Христианская жизнь, 2002. 703 с.

J. A. Safronova

Tsar-Martyr vs Tsar-Liberator. Why was not Alexander II canonized?

This article analyzes both the formation and functioning of the image of Alexander II as a tsar-martyr in the last quarter of the 19th century. The interpretation of the terrorist attacks against the Emperor and then his assassination on March 1, 1881 as a willing sacrifice for the “sins” of the Russian people and even as “co-crucifixion with the First Martyr Christ” was created by the preachers of the Russian Orthodox Church. It allowed to speak about the tsar’s death not as a profound political crisis but as an act of “saving” Russia. The image of the tsar-martyr was actively used both in the official discourse and in press, not only conservative, but also liberal.

At the same time the constant use of this image had unexpected results and was accepted too literally, which led to direct demands for the canonization of Alexander II, the creation of icons with his image and the holding of religious processions with portraits of the Emperor. In the second part of the article I discuss a number of hypotheses why the canonization of Alexander II which logically followed from the discursive strategy of the Russian Orthodox Church and which found support of the flock was not realized by the political elite of the Russian Empire. Alexander II became part of the historical memory of Russia as a Tsar-Liberator, not a Tsar-Martyr.

KEYWORDS: Alexander II, populist’s terror, canonization, martyr, representation.

References

SOURCES

1. Anonimnoe pis'mo V. A. Dolgorukomu [Anonymous letter to V. A. Dolgoruky]. *Tsentrāl'nyi istoricheskii arkhiv Moskvy*, coll. 16, aids. 71, fol. 32 (in Russian).
2. Benua A. N. (1980). *Moi vospominaniia* [My memories], v. 1. Moscow : Nauka (in Russian).
3. Bogorodskii F. (1981). “Speech on the Occasion of the Martyrdom of Tsar Alexander Nikolaevich”. *Rukovodstvo dlia sel'skikh pastyrei*, 1881, supplement to n. 13, pp. 173–175 (in Russian).
4. Bondakov V. (1881). “Lecture on the occasion of the martyrdom of His Majesty the Late Emperor Alexander Nikolaevich, March 1, 1881”. *Ekaterinoslavskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi*, 1881, n. 12, pp. 183–185 (in Russian).

5. Borovikova V.N. (1924). "Home memoirs". *Na chuzhoi storone*, 1924, n. 4, pp. 50–87 (in Russian).
6. "Diary". *Poriadok*, 1881, March 14, pp. 2–3 (in Russian).
7. *Dnevnik E. A. Perettsa. Gosudarstvennogo sekretaria (1880–1883)* [Diary of E. A. Peretz. Secretary of State (1880–1883)]. Moscow ; Leningrad : Gosizdat, 1927 (in Russian).
8. Evreinov G. A. (1905). *Reforma vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii i narodnoe predstavitel'stvo* [Reform of the highest state institutions of Russia and people's representation]. St. Petersburg : Obshchestvennaia pol'za Publ. (in Russian).
9. Fan-der-Flit N. F. *Dnevnik* [Diary]. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki*, coll. 806, aids. 58 (in Russian).
10. Gusev A. (1881). "The most unfortunate day in the history of Russia (March 1, 1881)". *Pravoslavnoe obozrenie*, 1881, April, pp. 762–776 (in Russian).
11. "In St. Isaac's Cathedral". *Novoe vremia*, 1881, March 3, p. 1 (in Russian).
12. "Internal News". *Golos*, 1881, March 5, p. 2 (in Russian).
13. "Moscow notes". *Golos*, 1881, March 17, p. 1 (in Russian).
14. "Mr. Novikov's story". *Novoe vremia*, 1881, March 3, p. 1 (in Russian).
15. [Navrotskii A. A.] (1881). "In memory of the Tsar-Liberator". *Novoe vremia*, 1881, March 15, p. 2 (in Russian).
16. "On the martyrdom of Sovereign Emperor Alexander Nikolaevich Archpriest M. Zefirov". *Pravoslavnyi sobesednik*, 1881, April, pp. 1–12 (in Russian).
17. Parensov P. (1908). *Iz proshlogo. Vospominaniia ofitsera General'nogo shtaba* [From the past. Memories of an officer of the General Staff] : In 5 v., v. 4 : *V Bolgarii*. St. Petersburg : V. Berezovskii (in Russian).
18. "Political Review". *Poriadok*, 1881, March 15, p. 1 (in Russian).
19. Popov E. (1881). "Sermon on the day of the burial in Bose of the deceased Emperor Alexander Nikolaevich on March 15 in the Church of the Resurrection in Perm". *Permskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyi*, 1881, n. 12, pp. 144–148 (in Russian).
20. "Portrait of Alexander II". *Golos*, 1881, March 15, p. 3 (in Russian).
21. "Royal covenant". *Golos*, 1881, March 4, p. 1 (in Russian).
22. *Sluzhby Strastnoi sedmitsy Velikogo posta* [Worship of the Passion Week Great Lent]. Moskva : Moskovskii patriarkhat Publ., 1997 (in Russian).
23. "Speech before the funeral service for his Majesty the Late Emperor Alexander II of the Warsaw Red Cross Society, delivered in the castle church on March 31, 1881 by His Eminence Leonty, Archbishop of Kholmско-Warsaw". *Kholmско-Varshavskii eparkhial'nyi vestnik*, 1881, n. 9, p. 133 (in Russian).

24. "Speech before the thanksgiving prayer for the deliverance of the Sovereign Emperor from the threatened danger, said on Sunday 25 November after the liturgy in the house church of the Imperial Kazan University". *Pravoslavnyi sobesednik*, 1879, December, pp. 451–458 (in Russian).
25. Sokolov M. (1881). "Word before the funeral service about the Late Emperor Alexander Nikolaevich". *Kafedra Isaakievskogo sobora*, 1881, v. 32, pp. 7–9 (in Russian).
26. "Supreme Manifesto". *Pravitel'stvennyi vestnik*, 1881, 30 April, p. 1 (in Russian).
27. "Tale in Memory of his Majesty the Late Emperor Alexander II". *Kafedra Isaakievskogo Sobora*, 1881, v. 32, pp. 15–16 (in Russian).
28. "Teaching on the week of the Cross, on the appointed day of the burial in Bose of the deceased Great Sovereign Emperor Alexander II, spoken by His Grace Nikanor, Bishop of Ufa". *Pravoslavnoe obozrenie*, 1881, April, pp. 780–788 (in Russian).
29. Temnikovskii E. N. (1907). "Canonization of saints", in *Pravoslavnaia bogoslovskaia entsiklopediia* : In 12 v., v. 8, Petrograd, A. P. Lopukhin Publ., p. 253 (in Russian).
30. "The first weeks of the reign of Emperor Alexander III. K. P. Pobedonostsev's letters from St. Petersburg to Moscow to E. F. Tyutcheva". *Russkii arkhiv*, 1907, n. 5, p. 178–189 (in Russian).
31. "They write to us from St. Petersburg". *Moskovskie vedomosti*, 1881, March 3, p. 1 (in Russian).
32. Tolstaia A. A. (1996). *Zapiski freiliny. Pechal'nyi epizod iz moei zhizni pri dvore* [Notes of the maid of honor. A sad episode from my life at court]. Moscow : Entsiklopediia rossiiskikh dereven' (in Russian).
33. "Word on the day of the 25th anniversary of the reign of the Late Emperor and Autocrat of All the Russias Alexander Nikolaevich". *Pravoslavnoe obozrenie*, 1880, February, pp. 373–374 (in Russian).
34. *Velikii kniaz' Aleksandr Mikhailovich. Kniga vospominanii* [Grand Duke Alexander Mikhailovich. Book of Memoirs]. Moscow : Sovremennik Publ., 1991 (in Russian).
35. *Velikii kniaz' Kirill Vladimirovich. Moia zhizn' na sluzhbe Rossii* [Grand Duke Kirill Vladimirovich. My life in the service of Russia]. Moscow : Zaharov, 2006 (in Russian).
36. *Venok na grob Gosudaria-Osvoboditelia* [Wreath on the coffin of the Sovereign Liberator]. Kiev : Univer. Publ., 1881 (in Russian).
37. Vypiska iz zhurnala Sankt-Peterburgskoi gorodskoi dumy, 2 marta 1881 [Extract from the journal of the St. Petersburg City Duma, March 2, 1881]. *Tsentr'al'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga*, coll. 792, aids. 1, fol. 3156 (in Russian).

38. Zapiska o tolkakh i suzhdeniiakh naseleniia g. Varshavy. 7 apreliia 1881 [Note on the rumors and judgments of the population of Warsaw. April 7, 1881]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*, coll. 102, 1881, 3, aids. 77, fol. 1019 (in Russian).
39. Zhurnal zasedaniia Sankt-peterburgskogo komiteta dukhovnoi tsenzury, 29 maia 1881 [Journal of the meeting of the St. Petersburg Committee of Spiritual Censorship, May 29, 1881]. *The Russian State Historical Archive*, coll. 807, aids. 2, fol. 1664 (in Russian).

LITERATURE

1. Golubinskii E. E. (1894). *Istoriia kanonizatsii sviatykh v Russkoi tserkvi* [History of the canonization of saints in the Russian Church]. Sergiev posad : Tip. 2 Snegirevoi (in Russian).
2. Rodigina N., Korkina M. (2012). "Anniversaries of the reforms of Alexander II as a phenomenon of public life in Russia in the second half of the 19th century", in *Aleksandr II. Tragediia reformatora: liudi v sud'bakh reforma, reformy v sud'bakh liudei*. St. Petersburg : European University in St. Petersburg Publ., pp. 240–261 (in Russian).
3. Safronova J. A. (2014). *Russkoe obshchestvo v zerkale revoliutsionnogo terrora. 1879–1881 gg.* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879–1881]. Moscow : NLO (in Russian).
4. Safronova J. A. (2017). *Ekaterina Iur'evskaia. Roman v pis'makh* [Ekaterina Yurievskaya. Novel in letters]. St. Petersburg : European University in St. Petersburg Publ. (in Russian).
5. Tsylin V. A. (2002). *Kurs tserkovnogo prava* [Church Law Course]. Klin : Khristianskaia zhizn' (in Russian).
6. Vostryshchev M. (2001). *Avgusteishee semeistvo. Rossiia glazami velikogo kniazia Konstantina Konstantinovicha* [The most august family. Russia through the eyes of Grand Duke Konstantin Konstantinovich]. Moscow : Olma-Press (in Russian).
7. Wortman R. (2004). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy] : In 2 v., v. 2. Moscow : OGI (Russian translation).